

Джон провел дни после этого разговора с Роббом, следя за порядком в Винтерфелле, когда у него было время, спаррингуя с Теоном и Роббом на тренировочном дворе и присматривая за Браном и Риконом, чтобы те не попали в беду. О письме, которое он нашел в библиотеке, совсем забыли, по крайней мере, до тех пор, пока Тирион Ланнистер не заехал в Винтерфелл, возвращаясь со Стены. Учитывая их подозрения, вряд ли стоит удивляться, что, по мнению Джона, Тириона встретили не так тепло, как когда он ехал с королевским отрядом. — «Любой человек из Ночного Дозора, но не я, я правильно понял тебя, мальчик?» — не удержался Тирион. Джон понял, как это разозлило Робба, по тому, как он встал, направил меч на Тириона и сказал: — «Я здесь хозяин, пока мои мать и отец в отъезде, Ланнистер. Я не твой мальчик». — «Если ты лорд, то мог бы научиться лордовской вежливости», — добавил Тирион, раздувая пламя напряженности в комнате. Затем он заметил Брана, которого нес Ходор, и сказал: — «Значит, это правда, мальчик жив. Я с трудом в это верил. Вас, Старков, трудно убить». — «Вам, Ланнистеры, лучше помнить об этом», — ответил Робб. Он жестом приказал Ходору привести к нему Брана и сказал: — «Ты хотел поговорить с Браном — вот он, говори, что хочешь сказать, Ланнистер». Тирион обратил на Брана свои несопадающие глаза, казалось, заглядывая в глубины его души, и то, что он сказал дальше, послало дрожь по позвоночнику Джона: — «Я говорил, что ты был неплохим альпинистом, Бран, скажи мне, как получилось, что ты упал в тот день?» — «Я никогда не падал», — настаивал Бран, и Джон знал, что Брану до сих пор больно об этом думать, ведь Джон знал, что Бран никогда не падал. — «Ребенок ничего не помнит ни о падении, ни о подъеме, который ему предшествовал», — мягко сказал мейстер Лювин. — «Любопытно», — сказал Тирион. — «Мой брат здесь не для того, чтобы отвечать на твои вопросы, Ланнистер», — укоризненно сказал Робб. — «Делай свои дела и отправляйся в путь». — «У меня есть для тебя подарок», — обратился гном к Брану. — «Любишь ли ты ездить верхом, мальчик?» Мейстер Лювин вышел вперед: — «Милорд, ребенок потерял возможность пользоваться своими ногами. Он не может сидеть на лошади». — «Ерунда», — сказал Ланнистер. — «С правильной лошадью и седлом даже калека может ездить верхом». Джон поморщился от слов Тириона, он видел боль на лице Брана, когда тот сказал: — «Я не калека!». — «Тогда я не карлик», — сказал Тирион, кривя рот. — «Мой отец будет рад это услышать». Джон услышал, как Теон фыркнул на это, но затем услышал, как мейстер Лювин сказал: — «Что вы имеете в виду, милорд?». Тирион посмотрел на Лювина, затем на Брана и ответил: — «Умная лошадь, ведь мальчик не сможет использовать свои ноги, чтобы командовать животным, так что ты должен приспособить лошадь к всаднику. Я бы начал с необъезженного годовичка, которого не нужно переучивать». Он достал из рукава листок бумаги и протянул его мейстеру Лювину: — «Отдай это своему шорнику, он должен разобраться в этом». Лювин передал бумагу Роббу, который посмотрел на нее, а затем сказал голосом, смешанным с замешательством и подозрением: — «Это какая-то ловушка, Ланнистер? Почему ты так добр ко мне, брат?». На что Ланнистер снова слегка ухмыльнулся и ответил: — «Я неравнодушен к калекам, бастардам и сломанным вещам. В любом случае, я думаю, что, возможно, просрочил свое гостеприимство». Робб, казалось, колебался мгновение, прежде чем сказать: — «Подожди, ты оказал услугу моему брату, лорд Тирион, гостеприимство Винтерфелла в твоём распоряжении, если ты этого хочешь». Тирион посмотрел на Робба и сказал: — «Избавь меня от своих ложных любезностей; думаю, мы оба будем спать лучше, если я не останусь в твоих залах сегодня ночью. Я видел бордель в нескольких милях отсюда; я проведу там вечер и уеду утром». С этими словами он кивнул Роббу, Брану, Джону и мейстеру Лювину, а затем покинул зал, оставив Джона и Робба обсуждать, что именно только что произошло. Прошло несколько дней, а они все еще не могли понять, почему Тирион был так добр к Брану, если тот участвовал в заговоре с целью его убийства. Конечно, на время их заботы отошли на второй план, когда они смотрели, как Бран скачет на лошади в только что сделанном седле, и на его лице была написана радость. Джону было приятно видеть младшего брата таким счастливым, и, когда они ехали через Годсвуд, он не обращал внимания на то, что Бран скачет чуть быстрее остальных. Только когда он не вернулся, он начал беспокоиться, глядя на Робба и Теона, все трое

подстегивали своих лошадей, и то, что они увидели, напугало их всех одинаково: Брана держал за шиворот одичалый с ножом у горла, а трое спутников одичалого смотрели, что бы им украсть. Робб сказал голосом своего повелителя, хотя Джон мог слышать дрожь в его словах: — «Освободи моего брата сейчас же, и я оставлю тебя в живых». Одичалый, державший нож у горла Брана, фыркнул и сказал: — «Что ты собираешься делать, зеленый мальчишка, облить меня своими штанами? Нет, позволь мне и моим спутникам взять то, что мы хотим, у тебя и твоих друзей здесь, или это достанется твоему брату».

<http://tl.rulate.ru/book/111363/4206088>